

*Эту книгу я посвящаю
Биллу,
который
помог мне понять,
что иногда надо сдаться,
чтобы победить.*

*Кто одержим
страстью,
тот одержим бесом.*

Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, каковой обещал Господь любящим Его.

В искушении не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.

ПОСЛАНИЕ ИАКОВА 1:12—15

Я взыскал Господа, и Он услышал меня, и от всех страхов моих избавил меня.

Кто обращал взор к Нему, те просветались, и лица их не постыдятся.

Сей нищий воззвал, — и Господь услышал его и спас от всех бед.

ПСАЛТИРЬ 33: 5—7

Друзья называли Гарри героем-любовником. Но он тащил в койку не всех подряд. Гарри предпочитал женщин... замужних женщин.

С ними меньше мороки. Если они согласны пойти с тобой, они точно знают зачем. Их не надо поить и кормить. Не надо обхаживать. Если они ждали чего-то такого от Гарри, то они глубоко заблуждались; если они начинали расспрашивать о его жизни или хоть как-нибудь намекать, что им хочется «отношений», Гарри тут же делал им ручкой. Он не хотел себя связывать, не хотел себя обременять. Он хотел получать удовольствие, сколько хочется и когда хочется, а потом уходить, улыбнувшись и помахав на прощание.

Секс с замужними женщинами создает дополнительную остроту ощущений. И дело не в том, что ты как бы крадешь жену у другого мужчины, Гарри это не нужно и не интересно, но его возбуждает необходимость принимать меры предосторожности, чтобы его не застукали в процессе. Когда не знаешь, что может произойти, ощущение опасности многократно усиливает возбуждение.

Иногда на досуге Гарри Уайт любил поразмыслить о том, почему в мире столько несчастных семей. Во всем виноват плохой секс, либо некачественный, либо вовсе отсутствующий. Количество женщин, живущих на успокоительных из-за хронической сексуальной фрустрации, наверняка исчисляется миллионами. А сколько женщин лечится в психиатрических клиниках от неврозов, вызванных малоудовлетворительной или отсутствующей интим-

ной жизнью? Тысячи? Сотни тысяч? Сколько разрушенных браков, сколько несчастных детей, оставшихся без материнской заботы и ласки в этом горестном мире — и все из-за нехватки оргазмов!

Гарри не был сторонником феминизма, но считал вопиющей несправедливостью двойные стандарты в отношениях полов. Ни для кого не секрет, что мужья частенько, как говорится, ходят налево и не считают зазорным изменять своим женам, причем общество не то чтобы одобряет подобное поведение, но полагает его приемлемым. При этом женщина обязана сидеть дома, заниматься хозяйством, заботиться о детях и умолять своего благоверного, снова явившегося под утро после «посиделок с друзьями», чтобы он хоть иногда занялся с ней любовью. А если женщина не дожидается милостей от супруга — милостей крайне нерегулярных, нерадивых и не приносящих особого удовольствия, — если она находит ему разовую замену, ее осуждают, клеймят позором, обливают помоями, бьют или даже, страшно сказать, убивают. Нет, Гарри не был сторонником феминизма, но его удручала несправедливость сложившейся ситуации.

Вот он и старался по мере своих скромных сил как-то переломить ситуацию или хотя бы немного ее смягчить. Гарри действительно думал, что делает очень полезное дело. Кто знает, сколько готовых распасться браков удалось сохранить с его помощью? И, возможно, не только браков — и жизнью тоже. Кто знает, сколько женщин живут и здравствуют лишь потому, что накопившееся напряжение от непрерывных разочарований не достигло критической точки, когда все разрешается безумием или смертью, а нашло выход стараниями Гарри Уайта, который с усердием исполняет свое предназначение?

Хотя Гарри работал в деловой части Манхэттена и тратил по два часа в день на дорогу до офиса и обратно, он продолжал жить с родителями в Бруклине. Неоднократно, как правило по утрам, в самые мутные понедельники по-

сле особенно бурных выходных, он подумывал о переезде поближе к работе, чтобы можно было неспешно, минут за десять-пятнадцать, проехаться на автобусе туда-сюда, но, отдохнув и набравшись сил, необходимых для хлопотных поисков съемной квартиры, он решал, что пока можно не торопиться. Никакой срочности нет. Он обдумывал все «за» и «против», тщательно изучал ситуацию и неизменно приходил к выводу, что ему это не надо. Обычно он рассуждал так: прежде чем приступать к поискам новой квартиры, следует рассмотреть два варианта —

1. снимать жилье с кем-то на пару; или
2. жить одному.

По первому пункту также есть два варианта:

- a. с мужчиной
- b. с женщиной

Хотя что тут думать? Вариант с женщиной — не вариант. Даже если она просто друг, платоническими их отношения пробудут недолго.

И как только она перестанет быть просто другом — а именно так и случится, — это существенно осложнит Гарри жизнь. Стало быть, женщина исключается сразу.

Таким образом, остается возможность снимать квартиру на пару с мужчиной. Каковы преимущества? На самом деле, преимущество только одно: разделив плату на двоих, можно найти жилье попроще.

Впрочем, Гарри не слишком волнуют вопросы финансов. Он хорошо зарабатывает, так что вопрос экономии у него не стоит.

Каковы недостатки? Их много. Придется зависеть от порядочности постороннего человека, который, возможно, будет не столь щепетильно, как ты, относиться к оплате своей доли счетов. У него может быть девушка, и она обязательно станет с тобой заигрывать, что создаст кучу ненужных проблем... И еще много причин. Но *самая главная* причина,

которая перебивает все остальные, заключается в том, что Гарри категорически не желает, чтобы его как-то стесняли чьи-то чужие желания и потребности.

Остается единственный вариант: жить одному. Опять же, каковы преимущества?

Преимущество видится только одно: живешь ближе к работе — тратишь меньше времени на дорогу. Гарри уж точно не будет водить к себе женщин. Еще не хватало, чтобы какая-то баба узнала, где он живет. Господи Боже, они от него не отстанут. Он хорошо представляет, как это будет: они звонят ему день и ночь, а то и ломятся в дверь, когда у них засвербит в одном месте. Или кто-то из них вдруг рассорится с мужем, и заявится к Гарри, и объявит, что она подает на развод, потому что нашла замечательного человека, который позаботится о ней и о детях, и... Ох, нет. Нет. Нет, спасибо.

Иными словами, все остается как есть, но появляются дополнительные расходы, а также различные хлопоты из-за квартиры. Что касается женщин, Гарри по-прежнему будет ходить к ним домой, или домой к их подругам, или в отель, а у себя дома — лишь спать и периодически отдыхать от общения. То есть в тактическом плане переезд не имеет смысла.

И в практическом тоже. Когда живешь у родителей, тебе не надо готовить, стирать и гладить, бегать по магазинам и держать в голове список всего, что необходимо купить по дороге с работы; все это требует немалых затрат энергии, которую Гарри хотелось сберечь для чего-нибудь более важного и интересного.

Вдобавок надо учесть, что Гарри — единственный ребенок в семье, и родители довольны и счастливы, что он до сих пор живет с ними.

Каждый раз Гарри тщательно анализировал ситуацию и неизменно решал, что затевать переезд не имеет смысла.

Но за всеми логическими построениями Гарри Уайта, за всеми здравыми размышлениями, за пределами созна-

тельного восприятия, прятался крошечный беспокойный росток, который дергался, и толкался, и влиял на решение Гарри гораздо сильнее, чем все остальное. Безопасность — вот *истинная* причина. Не безопасность ребенка в материнской утробе, а безопасность иного рода: от себя самого. Хотя на сознательном уровне Гарри старался не слишком задумываться о своих внутренних побуждениях, этот настырный росток знал, что искушение может грянуть, когда ты совсем не готов, когда ты не сможешь его одолеть, когда не получится устоять, и кто знает, чем все закончится... наверняка чем-нибудь малоприятным...

но этот росток также знал, что, как бы ни было велико искушение, Гарри ни при каких обстоятельствах не приведет женщину в дом к родителям посреди ночи и не станет им объяснять, что он спасает ее от мужа, поскольку муж ее не понимает и, вместе с детьми, не желает дарить ей любовь, которая ей так отчаянно необходима.

Нет, Гарри такого не сделает. Будет слишком неловко.

И потом, если подумать, два часа в день на дорогу — не так уж и плохо. Тут есть свои плюсы. Очень даже немалые плюсы.

В субботу играли в софтбол. Команда завсегдаев «Кейси», бара на Третьей авеню, встречалась с командой «Свенсона», бара на Пятой. Сам Гарри пил мало, но плотно общался с ребятами из «Кейси», которых знал с детства, и играл с ними в софтбол по субботам, если у него не было других дел.

Сегодняшний матч был особенным, в нем решалось, какой бар круче; стенка на стенку, квартал на квартал; ирландцы против скандинавских лосей. Вдобавок к демонстрации шовинизма на игру были поставлены деньги, несколько сотен долларов.

Матч начинался в одиннадцать утра, и в половине одиннадцатого обе команды собрались на спортивной площадке на Шестьдесят пятой улице, в полном соста-

ве, при всем оснащении, с друзьями-болельщиками и изрядным запасом пива. День выдался погожим и ясным, и местный народ потихоньку подтягивался к площадке посмотреть на игру. Детишки на велосипедах и роликах кричали друг другу, мол, пойдём зырить, как взрослые дядьки играют в софтбол; прохожие останавливались и с интересом наблюдали за происходящим на поле сквозь сетчатое ограждение.

Команды закончили разминку, и матч уже должен был начаться, но случилась небольшая заминка: двое парней, принимающих ставки, никак не могли разобраться с деньгами. Однако все решилось за пару минут, и игра началась.

Хотя Гарри уже давно не играл регулярно, он все равно оставался одним из лучших софтболистов в районе. Во-первых, он почти не пил. Во всяком случае, пил не так много, как остальные ребята в обеих командах, и сохранял координацию движений ближе к концу игры, когда это было действительно важно. На внешнем поле он выступал точно не хуже других и отлично отбивал подачи, особенно когда был в настроении. А сегодня он был в настроении, в правильном настроении для игры.

Подброшенная монетка выпала в пользу «Кейси», они выбрали подавать первыми, отдали пиво друзьям и вышли на поле с топотом и криками — Вперед, вперед. На подачу, на подачу...

их питчер, Стив, принялся разогреваться, бросая мячи товарищам по команде на внешнем и внутреннем поле. Главный судья, бармен, у которого сегодня был выходной, встал за питчерской горкой, еще двое судей заняли места у первой и третьей базы, и игра началась.

В первом иннинге «Кейси» выступили паршиво. Стив как будто не видел, куда подает, и катастрофа казалась практически неотвратимой. Раз за разом Стив запарывал свои подачи, в итоге первые трое бьющих получили по уоку, хотя на одиннадцатой подаче судья объявил страйк,

и тут слабо забрезжил единственный лучик надежды, когда счет был 3:2, но Стив опять сплоховал, и третий бьющий все-таки получил уок. «Кейси» старались приободрить своего питчера, мол, не психуй, все нормально. Держись, малыш Стив, мы с тобой. Влупи ему, Стиви, влупи слабаку... и Стив посмотрел на своего кэтчера, а на домашнюю базу вышел, небрежно помахивая битой, здоровенный рыжий норвежец по прозвищу Бойлер.

«Свенсоны» вопили как резаные, брызжа слюной и пивом. Они ждали смертоубийства и ликовали, заранее предвкушая победу уже в первом иннинге. Захерачь ему, Бойлер. Забей ему в глотку. Выбивай за забор, за забор. Давай, давай! Мы с тобой. Мы с тобой. Бойлер ухмыльнулся Стиву, показав черные кривые зубы, и взмахнул битой, которая в его огромных ручищах казалась тоненькой зубочисткой, мол, подавай, чего ждешь? Стив медленно замахнулся и бросил мяч, Бойлер крутанул битой, как неандерталец — дубиной, в момент удара звук был такой, словно бита сейчас разлетится на сотню кусочков, и мяч стремительно взвился ввысь и полетел по широкой дуге в сторону ограждения на левом фланге. Бутылки с пивом застыли у открытых ртов. Все наблюдали, затаив дыхание, как мяч ушел за линию фола, и дюжина мальчишек помчалась за ним вдогонку. Бойлер подхватил брошенную биту, ухмыльнулся питчеру и вернулся на домашнюю базу, его лицо сразу сделалось жестким и злым. Бей, Бойлер, лупи. Вломи ему, Стив. Питчер, питчер, ты попал. Сделай его, этого бабуина...

Еще пару секунд Стив и Бойлер сверлили друг друга угрюмыми взглядами, потом Стив сплюнул, медленно замахнулся, как в прошлый раз, и бросил мяч с такой силой, что тот просвистел в воздухе, сделавшись почти невидимым. Бойлер отбил подачу, и удар получился мощнецким, но все-таки припозднился на долю секунды, и мяч ушел не влево, а вправо, к ограждению на правом фланге, зрители завопили, «Свенсоны» дружно

впали в неистовство, бита глухо ударилась о землю, игроки на базах сорвались с мест, как ошпаренные, и Гарри, который был на позиции правого полевого, бросился за мячом. Тренеры «Свенсонов» кричали, размахивая руками, бегите, сукины дети, бегите, и игрок на третьей базе уже коснулся отметки, а игрок на второй был по полпути к базе, и тут Гарри подпрыгнул, почти взлетел в воздух, вытянув над головой руку в перчатке, и врезался в сетчатое ограждение на долю секунды раньше мяча, который с глухим ударом воткнулся в перчатку. Гарри отскочил от забора, двумя руками прижимая мяч к животу, грохнулся на бетонированное покрытие, перекатился, поднялся на ноги и бросил мяч первому бейсмену, который легко отыграл свою базу, но не успел передать мяч на вторую, потому что на поле вдруг началась полная неразбериха, все нападавшие разом рванулись к своим прежним базам, и тот, кто пытался вернуться на первую, налетел на Бойлера, а тот в свою очередь чуть не сбил с ног защитника, и игра намертво встала. Гарри наблюдал за всем этим вполглаза, его разум стремительно расшифровывал все, что он видел и слышал, когда врезался в ограждение: вроде бы там была женщина, женщина за сетчатым забором... да, блондинка в коротеньких шортах и майке на тонких бретельках, и если Гарри все верно запомнил, хотя видел ее краем глаза лишь долю секунды, буфера у нее были что надо. Гарри обернулся, и она так и стояла на том же месте. Он пригляделся и заметил прогулочную коляску с ребенком. Гарри подошел к ограждению и встал вполборота к полю. Суэта улеглась, следующий бьющий уже вошел в дом. Гарри улыбнулся женщине за забором. Привет.

Привет, она улыбнулась, слегка качнув головой, я думала, вы протараните эту сетку.

Гарри приподнял брови и улыбнулся еще лучезарнее. Если бы я знал, что за сеткой стоите вы, я бы точно ее протаранил.

Игра возобновилась, но все были так возбуждены после прошлого розыгрыша, что никто не заметил, что Гарри не занял свою позицию на правом фланге, а по-прежнему топчется у ограждения.

Салли, женщина кивком указала на малышку в коляске, решила, что это было веселое представление. Она так смеялась. Впрочем, Салли легко рассмешить.

Они оба рассмеялись, а Стив тем временем довел счет до 0:2 и на следующей подаче влупил точно по центру, отбивающий взмахнул битой с часовым опозданием, и «Кейси» принялись вопить, и приплясывать, и брызгать друг на друга пивом.

Теперь команды менялись ролями. «Кейси» продолжали драть глотки, и каждый считал своим долгом по-дружески хлопнуть Стива по спине. Блондинка кивнула в сторону поля и спросила, что происходит. Гарри обернулся и заулыбался. Похоже, у них третий аут. Наша очередь отбивать. Она развернулась и вроде как собралась уходить, но Гарри попросил ее остаться. Это только первый иннинг. Впереди еще много отменного софтбола.

Я ничего не понимаю в софтболе, сказала она с мягкой улыбкой.

Прижавшись к забору, Гарри пристально посмотрел на нее и сказал, что научит ее всему, что ей нужно знать. Подождите меня, я вернусь через пару минут. Все равно мы обычно не отбиваемся в начале матча. Она улыбнулась, и Гарри вернулся к своим. Друзья по команде и просто друзья встретили его бодрым ревом, и он получил свою порцию приветственных воплей и хлопков по спине.

Гарри отбивал пятым, и пока ждал своей очереди, то и дело поглядывал краем глаза на женщину за забором. Неплохой экземпляр. Очень даже достойный. Аппетитная грудь, крепкая, ладная задница. И сама далеко не ребенок. Наверное, на пару лет старше Гарри. Может быть, под тридцатник. Ему хотелось, чтобы они поскорее собрали свои три аута, и тогда можно будет вернуться к ней и по-

смотреть, выгорит что-нибудь или нет. Он совсем не следил за игрой, пока не услышал разочарованный рев и забористую матерщину товарищей по команде; его желание сбылось, «Кейси» мгновенно набрали три аута, и снова пришел их черед защищаться. Гарри поспешил к ограждению на правом фланге.

Привет опять, он улыбнулся, прислонившись к забору.

Вы недолго отсутствовали, она подошла ближе и тоже заулыбалась.

Да, недолго. На самом деле, он пожал плечами, сверкая улыбкой, так и было задумано, чтобы я мог скорее вернуться сюда.

Зачем?

Чтобы снова увидеть вас. После...

Эй, Гарри, ты где? Иди сюда, бога ради.

Да, да, сейчас. Вы, пожалуйста, не уходите. Дождитесь меня. Он занял свое место на внешнем поле, и по пути то и дело оглядывался на блондинку, и непрестанно посматривал в ее сторону по ходу иннинга.

Стив явно приободрился и в этот раз подавал вдохновенно и мощно, так что «Свенсоны» за считанные минуты собрали три чистых поп-аута. «Кейси» покинули поле в приподнятом настроении, а Гарри вернулся к блондинке.

Может, зайдете сюда, на площадку? Тут есть скамейки, можно присесть.

Ничего не получится. У меня на сегодня еще много дел, и...

Какие дела в такой ясный погожий день? Идите к нам, сказал Гарри, обаятельно улыбнувшись, будете нашим талисманом.

Она звонко рассмеялась. Так меня еще не называли.

Вот видите, вы сейчас...

Эй, Гарри. Ты идешь или как? Ты следующий отбивать.

Да, да, иду. Калитка вот там. Он побежал к домашней базе, но по пути оглянулся и с улыбкой отметил, что блон-

динка идет ко входу на спортплощадку. Стив пихнул Гарри локтем. А бабу в жопу, ага?

Ну, если ты так настаиваешь...

Слушай, уймись. И настраивайся на игру. Надо порвать этих лосей. Я, между прочим, поставил на матч двадцать пять баксов.

Не волнуйся, Гарри хлопнул Стива по спине, мы их порвем. Сегодня я в форме.

Предыдущего бьющего вывели в аут, и когда Гарри встал на домашней базе, он разглядел макушку блондинки, едва видневшуюся над высокой зеленой изгородью вдоль дорожки на спортплощадку. Гарри чувствовал себя расслабленно и спокойно, он слегка качнул битой и застыл, глядя на питчера. Этого парня он знал, всегда очень даже неплохо отбивал его подачи и успевал добежать как минимум до первой базы. На первой подаче мяч прошел вне зоны страйка, и Гарри попросту отступил в сторону. Прежде чем вернуться в дом, он огляделся по сторонам и увидел, как предмет его интереса входит на огороженную территорию спортивной площадки. Обе команды орали и гикали, а потом разом умолкли, и следующую подачу Гарри отбил в левую дальнюю часть аутфилда, и добежал до второй базы, и, наверное, смог бы занять и третью, если бы не отличная игра свенсоновского центрального полевого. Гарри стоял на второй базе, слушал вопли товарищей по команде и наблюдал, как блондинка с коляской садится на дальнюю скамейку с правой стороны поля. Следующий бьющий получил аут, но следующий за ним отбил очень даже неплохо, пусть и не так далеко, как хотелось бы, однако Гарри успел миновать третью базу, и рванул к дому, но поскользнулся, обходя кетчера, которому как раз передали мяч, и до крови ободрал лодыжку о бетонированное покрытие. «Кейси» вновь завопили и принялись наперебой хлопать Гарри по спине, а он стоял, стиснув зубы, и тряс саднящей ногой. Затем сел на скамью запасных и стал наблюдать за игрой. Следующий

бьющий тоже получил аут, и это был уже третий, а значит, иннинг закончился, и команды снова менялись ролями. «Кейси» вышли на поле, и Гарри вышел вместе со всеми, припадая на правую ногу. Он помахал блондинке, и она улыбнулась, глядя, как он занимает позицию на правом фланге.

В этом иннинге Стив опять накосячил с подачами, и когда «Кейси» понуро отправились на перерыв, Гарри сел рядом с блондинкой. Кстати, меня зовут Гарри, он улыбнулся и придвинулся ближе к ней.

Она улыбнулась в ответ и сказала, что ее зовут Луиза. А это моя дочка Салли, она наклонилась и поправила панамку у девочки на голове.

Гарри показал ей свою ободранную лодыжку и пошутил насчет боевого ранения, и они мило болтали, пока не закончился перерыв, а когда Гарри встал со скамейки, чтобы вернуться на поле, он как бы невзначай положил руку на бедро этой Луизы, на голую кожу на внутренней части бедра, как раз там, где заканчивались ее шорты, и не то чтобы надавил, а просто слегка напряг кончики пальцев, и на миг заглянул ей в глаза перед тем, как уйти.

Гарри сидел с ней во всех перерывах, а после пятого иннинга она объявила, что ей пора уходить. Он тут же изобразил на лице боль и отчаяние. Вам нельзя уходить, вы же наш талисман. Вы хотите, чтобы мы проиграли?

Она улыбнулась и посмотрела ему в глаза, чуть прищурившись. Муж скоро вернется, и мне еще надо успеть кое-что сделать по дому.

Он удержал ее взгляд и уже собирался заговорить, но тут его снова окликнул Стив. Гарри, давай сюда. Тебе на битю. Гарри помахал Стиву, уже иду, и опять положил руку ей на бедро, на этот раз надавив чуть сильнее. Подождите минутку. Он вышел в дом, даже не шелохнулся на трех подачах подряд, набрал три страйка и быстренько выбыл. После чего бросил битю и вернулся к скамейке. Вам действительно надо идти?

Да, уже надо. У нас планы на вечер, а мне еще нужно кое-что сделать.

Гарри пристально посмотрел на нее. Может быть, я провожу вас домой?

А как же ваш матч?

Они прекрасно управятся без меня. Я им не так уж и нужен, на самом деле.

Она улыбнулась, пожав плечами. Ну, если хотите...

Конечно, хочу. Гарри поднялся со скамейки. Вы идите вперед, я догоню вас на улице. Луиза направилась к выходу, толкая коляску, а Гарри подошел к Стиву и сообщил, что ему надо уйти.

В смысле, надо уйти? Ты никуда не пойдешь. Мы еще не доиграли.

Извини, Стив, но мне надо идти. У меня срочное дело. И потом, ты сам видишь, что у меня с ногой. Я еле стою.

Не долби мне мозги. Все нормально с твоей ногой.

Да ладно, Стив, что ты так распалился? Говорю же, мне надо идти.

Да, тебе надо идти. Знаешь что, Гарри? Ты изрядный мудака. Хрен стоячий. Залупа с ушами.

Слушай, Стив, это не...

Ты сам, ептыть, знаешь, сколько денег поставлено на этот матч. Но тебе по хрену, что друзья потеряют бабки. Если тебе вдруг приперло засандалить какой-то телке, все остальное тебя не ебет. Все, иди в жопу.

Мне просто нужно уйти. При чем тут какие-то телки? У меня жутко болит нога, и я...

Я сказал, иди в жопу, Стив с досадой махнул рукой и пошел прочь. Как-нибудь справимся без тебя. Эй, Винни! **ВИННИ!**

Чего?

Иди сюда.

Гарри захромал к выходу, еще успев краем уха услышать, как Стив велит Винни встать на правом фланге.

А как же Гарри?

Этот сучий кот? Да ну его в жопу. Опять ускакал за какой-то бабенкой.

Гарри услышал и эту реплику тоже, издали, но отчетливо, и, яростно стиснув в руке перчатку, зашагал чуть быстрее и постарался выбросить из головы едкое замечание Стива, сосредоточившись на Луизе и на живой изгороди впереди. Каждый шаг сокращал расстояние до выхода со спортплощадки, и Гарри твердил себе, что сейчас он доберется до этих кустов, и его уже будет не видно с поля, и звуки матча, продолжавшегося без него, превратятся в глухой отдаленный гул, а потом стихнут вовсе, и все останется позади: и Стив, и команда, и вся игра, — с глаз долой.

Огибая живую изгородь, Гарри задел плечом крайний куст, тонкая ветка хлестнула его по лицу, и теперь можно было уже не хромать, и до слуха уже доносились вопли детишек на детской площадке и шум машин на дороге, и он увидел Луизу, неторопливо идущую по дорожке чуть впереди. Он припустил бегом и очень скоро ее догнал.

Ваш друг, кажется, разозлился.

Кто, Стив? Нет, у него просто такая привычка: на всех орать. Но скажу вам по секрету...

Да?

Я бы не отказался от чашечки кофе.

Она одарила его долгим взглядом и улыбнулась. Это можно устроить. У меня дома всегда есть кофе.

Хорошо, он улыбнулся и легонько погладил ее по руке. Где вы живете?

На Седьмой авеню. Здесь недалеко.

Они дошли до угла, и там она остановилась и сказала ему номер дома и номер квартиры. Может, нам лучше пойти по отдельности? Не надо, чтобы нас видели вместе. Я пойду первой, а вы — за мной.

Он кивнул, улыбнувшись в ответ на ее улыбку. Да, конечно. Я все понимаю.

Она пошла прямо, а он свернул налево и обогнул квартал по кругу, чтобы добраться до дома Луизы не раньше

чем через пять минут после нее самой. Гарри уже и не помнил, сколько раз он проделывал этот трюк, и с каждым разом ему это нравилось все больше и больше: предвкушение, ожидание, дрожь возбуждения в глубинах нутра, смутное ощущение тревоги и страха, происходящее от фактора неизвестности, что неизменно присутствует абсолютно во всех эскападах подобного рода, ведь не исключен и такой вариант, что она назвала не тот адрес, или все будет не так, как ему представлялось, муж окажется дома, или внезапно вернется домой в самый неподходящий момент, или, может быть, это и вовсе какой-то дурацкий розыгрыш. Вариантов не счесть, и хотя раньше ничего подобного не случалось, ни в чем нельзя быть уверенным до конца, и эта неопределенность только усиливает возбуждение. Гарри изрядно взбодрился, шагая по Седьмой авеню.

Вечером Гарри собирался в кино с друзьями. После обеда он прилег на кровать и стал дожидаться, когда придет время выбираться из дома. Ему не давала покоя какая-то смутная тревога — непонятная, необъяснимая. Вряд ли он съел за обедом что-то не то: живот не крутило, изжога не мучила. На самом деле, он даже не помнил, что именно ел. И все-таки что-то его беспокоило. Что-то, уж точно не связанное с этой, как ее... Лайзой... нет... Луизой. С ней все прошло так же обыденно и привычно, как сегодняшней домашний обед. Она уложила ребенка спать, и они без промедления отправились в койку. Гарри отказался от кофе, чтобы скорее приступить к делу и слинять до того, как вернется ее благоверный. Она была ничем не хуже любой другой телки. Вполне себе резвая и ненасытная. На самом деле, они кувыркались в постели довольно долго и даже достаточно пылко для банального разового приключения.

Нет, дело не в этом. Там все обошлось даже без хрестоматийно неловких сцен, когда ребенок вдруг очень не

вовремя просыпается и бежит к мамочке обниматься. Все прошло как по маслу. И вряд ли его беспокойство связано с сегодняшним матчем. Это не то чтобы большое событие. Просто очередная субботняя игра, хотя, конечно, хотелось бы знать результат. У Гарри даже мелькнула мысль, что надо кому-нибудь позвонить и спросить, но почему-то ему не хотелось напоминать о себе. К тому же он все равно все узнает... Ни к чему суетиться и делать из мухи слона. Это и вправду не так уж и важно. Даже если они проиграли, он в этом не виноват. Он сделал свой хит. Что еще требовать от человека? Он и так хорошо постарался. Между прочим, получше многих. Ему вовсе незачем было торчать на поле и дожидаться конца игры. Ладно, хрен с ним. Откуда бы ни взялась эта тревога, она пройдет и забудется. Иди в кино и не парься.

После сеанса они заглянули в «Кейси» разузнать, что и как. Гарри уже знал, что они победили в сегодняшнем матче, и пребывал в замечательном настроении, потому что второй фильм оказался ужасно смешным. Они присоединились к компании, и Гарри хлопнул Стива по спине. Я слышал, вы разгромили их вдрызг.

Не так уж и вдрызг. С минимальным отрывом.

Какая разница. Главное, вы победили!

Ага. Не с твоей помощью.

Да ладно, Стив, не начинай.

Не будь я лучшим питчером в Бруклине, мы могли и продуть.

Но вы победили, так чего ты психуешь?

Стив улыбнулся Гарри и похлопал его по спине. Я не психую. Я все понимаю, Гарри. Хуй стоит, совесть спит — тут он хохотнул — когда прижало, сойдет все, что движется. Но знаешь, в чем твоя беда? Он убрал руку с плеча Гарри. Нет в тебе верности, вот в чем дело.

Что значит, нет верности?

А то и значит. Мы все друзья. Выросли вместе в одном квартале, и все дела, а тебе как бы насрать.

Слушай, не заводишься. Я так же предан друзьям, как и ты. Уж точно не меньше любого из нас — Гарри знал, что так оно и есть. Он много думал на эту тему и был уверен в своих чувствах к друзьям — может быть, даже больше.

Может быть, улыбнулся Стив, только ты что-то никак этого не проявляешь. Может быть, ты жутко умный, и все дела, но ты тот еще сукин сын... Ну чего, так и будешь сучарой или купишь мне выпить?

Гарри улыбнулся, бросил деньги на барную стойку и купил Стиву выпить.

Гарри любил свою работу и делал ее с удовольствием. Корпорация, где он работал, замечательно подходила для его нужд и амбиций; крупная, но не гигантская; достаточно крупная, чтобы предоставить сотруднику практически неограниченные возможности для продвижения и роста, но не такая огромная, чтобы поглотить его целиком, оставив лишь номер на перфокарте. Благодаря многопрофильной специализации компании, работа у Гарри никогда не бывала скучной; она была интересной, разнообразной и увлекательной, и каждая следующая задача всегда отличалась от предыдущей.

Гарри пришел в «Лэнсет Корпорейшн» сразу по окончании Бруклинского колледжа. Он отслужил в армии, поэтому обучение оплачивало государство. Основной специальностью Гарри выбрал бизнес-администрирование, дополнительной — бухгалтерский учет. Незадолго до выпуска он прошел собеседование в «Лэнсете», и обе стороны поняли почти сразу, что они как нельзя лучше подходят друг другу, и на следующий день после вручения диплома Гарри явился в офис компании и приступил к обучению по программе подготовки новых сотрудников.

Гарри был мил и приветлив, сразу включился в работу, отлично вписался в коллектив и понравился всем сослуживцам. За пару лет он неплохо поднялся по службе и определенно считался одним из самых перспективных сотрудников на младших руководящих должностях. За-

вершив обучение по корпоративной подготовительной программе, Гарри чуть ли не первым делом записался на вечерние курсы экономики. Он подумал, что это не только поможет ему в работе, но и произведет впечатление на тех, кого требовалось впечатлить, и не ошибся ни в том, ни в другом.

Будущее представлялось безоблачным, путь наверх — беспрепятственным, о чем Гарри Уайт периодически размышлял, так, мимоходом, и не с благодарностью или смирением, а с нарастающим нетерпением. Все-таки денег и повышения, престижа и собственной недвижимости хотелось бы уже сейчас.

Под конец обучения в Бруклинском колледже Гарри категорически не высыпался, и не потому, что упорно учился, а из-за своей личной жизни, чрезвычайно насыщенной и активной. Когда Гарри только пришел на работу в «Лэнсет», он, так сказать, завязал, как завязывал при поступлении в колледж, но по прошествии времени, когда он пообвыкся и закрепился в компании, новизна притупилась, и он потихоньку вернулся к своему прежнему амплу героя-любownika. Эти «сторонние интересы» не создавали проблем на работе, лишь иногда, по понедельникам, Гарри приходил в офис с покрасневшими, чуть мутноватыми глазами. Он всегда держал в ящике стола глазные капли и в разговорах с коллегами время от времени упоминал, этак вскользь, о врожденной болезни глаз, которой, собственно, и объяснялось их периодическое покраснение. Его не особенно волновало, верят ему или нет, но ему нравилась эта выдумка.

Целый год Гарри был пайнкой и ограничивал свои амурные похождения рамками выходных, а затем стал замечать, что отвлекается на работе. Не на коллег женского пола, а на какое-то внутреннее беспокойство. Он все чаще и чаще поглядывал на часы, ожидая пяти, и прямо чувствовал, как в теле копится напряжение. Мало-помалу выходные растянулись до понедельника, потом захватили

и пятницу тоже, и уже стало понятно, что теперь не получится ограничить вечернюю активность какими-то определенными днями, и Гарри неизбежно пришлось подчиниться собственным внутренним устремлениям.

Постепенно дошло до того, что он стал обедать как можно быстрее, чтобы успеть прогуляться по улицам. Гарри не связывал свою новую привычку с тем внутренним зудом, что время от времени на него нападал, и вообще не считал это привычкой. Ему просто нравилось ходить по городу, особенно при хорошей погоде, и он даже не осознавал, что каждый раз непременно шагает следом за какой-нибудь юбкой, пока не придет время возвращаться в офис.

Вскоре Гарри и вовсе перестал ходить на обеды в корпоративный буфет. Он заранее звонил и заказывал сэндвич на вынос, брал его в перерыве и шел обедать в Центральный парк, на скамейке у озера. Уж всяко приятнее, чем стоять в очереди в переполненном ресторане, а потом жевать сэндвич среди шума и дыма, поэтому Гарри предпочитал пройти пару кварталов до парка, где утки на озере пускают рябь по отражению небоскребов.

Гарри очень любил первые теплые весенние деньки, когда уже можно не надевать тяжеленное пальто и выйти на улицу в одном свитере или легкой куртке. А эти яркие краски! О да, Гарри любил разноцветье весны. Даже не столько цветы и деревья, хотя ему нравилось на них смотреть — и на птиц тоже, — но он явно был не из тех, кого называют «любителями природы», хотя сам всегда говорил, что предпочитает все натуральное... *au naturel**. Весенние краски, которые так любил Гарри, это цвета женских платьев, владелицы которых ходят по улицам, неотягощенные и не сокрытые плотной зимней одеждой, их лодыжки такие изящные, тонкие платья льнут к аппе-

* В натуральном виде, то есть голышом (*фр.*).

титным изгибам, глаза горят, лица сияют улыбками, ветерок распушает им волосы и прижимает их платья к мягким, пологим склонам животов или к внутренней стороне бедер, где они сходятся у венериного бугорка. Ах, весна, весна! Чудесная пора, когда все просыпается и оживает, и молодые мужчины так легко поддаются соблазнам.

Сегодня был замечательный весенний день, о каком можно только мечтать. Синее небо, редкие белые облачка, птицы парят над водой и щебечут среди деревьев, симпатичная молодая особа сидит на скамейке на берегу озера. Гарри доел свой обед, выкинул в урну бумагу и прочий мусор, подошел к кромке воды и встал прямо перед скамейкой, где сидела прелестная незнакомка. Он окунул пальцы в воду, затем медленно обернулся и уставился на ее скрещенные ноги, сосредоточившись на том участке, где ноги смыкаются с округлой задницей. Он не скрывал направления своего взгляда, смотрел в открытую, не таясь, и через пару секунд она распрямила скрещенные ноги и, не глядя на Гарри, разгладила юбку, чуть-чуть не доходившую до колен. Гарри продолжал откровенно ее разглядывать, пока она не начала нервно ерзать, и тогда он поднялся и подошел к скамейке, улыбаясь широкой искренней улыбкой и глядя женщине прямо в глаза. Он где-то читал, что величайшим оружием Уайетта Эрпа были его глаза, светло-голубые и такие пронзительные, что его взгляд буквально пробивал людей насквозь, парализуя их волю. Гарри именно так и делал. Просто смотрел на женщин, вкладывая в этот взгляд всю свою похоть. Она старалась смотреть прямо перед собой, но была вынуждена проследить за его приближением. Он сел рядом с ней, и она внутренне подобралась, готовясь к обычной вступительной фразе, вроде — сегодня чудесная погода, или не подскажете, который час, или еще что-нибудь в том же роде, — но Гарри решил разыграть одну из своих лучших крученых подач: Вашему мужу очень повезло.

Она изумленно обернулась к нему, улыбка смягчила ее лицо. Не понимаю.

Ну, как же, он посмотрел ей в глаза, на секунду его вождение стало почти осязаемым, а затем он улыбнулся и вскинул руку, я имею в виду, у него есть такая жена. Ее взгляд все еще настороженный, но поджатые губы немного расслабились. Лицо Гарри просияло улыбкой. Он знает, что дома его ждете вы, и его сердце поет от счастья.

Она слегка дернула головой: Ага, шас.

Да нет же, я знаю, что так и есть.

Вы, наверное, шутите, она усмехнулась, приподняв брови.

Нет, не шучу. Я серьезно. Я точно знаю, что его жизнь наполнена смыслом, потому что у него есть вы.

Она еще чуть расслабилась и хихикнула, Гарри видел, как напряжение в ее теле идет на убыль, и продолжал улыбаться. Вы просто нечто, она улыбнулась, тряхнув головой, такой шутник.

Не надо так говорить, он театрально прижал руку к груди, вы меня раните в самое сердце. Она вдруг рассмеялась, и, наблюдая, как она смеется, Гарри краешком глаза заметил нескольких голубей, круживших прямо над их скамейкой, и задумался, что она будет делать и как будет выглядеть, если голубь насрет ей на голову или на нос... но тут же, почти одновременно, сообразил, что голубь может насрать на него самого, и быстро прогнал эти мысли и стал думать о том, что у женщины явно проблемы с мужем. Он улыбнулся и развел руками. Я о том и говорю. Я услышал ваш смех, и сегодняшний день уже прожит не зря.

Она улыбнулась, покачав головой. Вы просто нечто, и поднялась, взглянув на часы.

Вы же не собираетесь уходить?

Как раз собираюсь. Пора возвращаться к работе.

Очень жаль, он погрустнел, изображая отчаяние.

Извините, она тепло улыбнулась, но работа есть работа.

С вами весело, даже очень. Но мне надо идти.

Хотя бы позвольте подать вам карету, чтобы вы не ступали по грязным мостовым.

Вы невозможный, она улыбнулась и пошла по тропинке, ведущей к Пятой авеню.

Умоляю, не смейтесь надо мной. А вдруг на вас нападут разбойники?! Она опять рассмеялась, и он склонился в глубоком поклоне. Позвольте мне сопроводить вас, миледи.

Теперь вы еще и обзываетесь, она рассмеялась еще звонче.

Что ж, сказал он с обидой в голосе, если вы не хотите карету, тогда, может быть, рикшу — он с шутливой серьезностью заглянул ей в глаза — велосипед — она покачала головой и хихикнула — скейтборд — они оба заулыбались, и Гарри развел руками — хотите, я понесу вас на закорках?

Спасибо, не надо. Думаю, будет проще и безопаснее, если я перейду через улицу на своих двоих.

Окей, он рассмеялся. Вы всегда сидите у озера в обеденный перерыв?

Ну... она пожала плечами, как когда.

Может быть, встретимся завтра, в это же время, на той же скамейке?

Может быть, она улыбнулась, пожав плечами, если будет хорошая погода.

Обязательно будет, я за это ручаюсь.

Мне надо идти, она улыбнулась и влилась в толпу пешеходов, переходивших дорогу.

Гарри смотрел ей вслед, и перед тем как войти в здание, она обернулась, и он помахал ей рукой, улыбаясь в ответ на ее улыбку, и отправился обратно в офис.

Теперь он шагал гораздо бодрее и чувствовал себя не так напряженно, как еще час назад. Он вернулся в контору с опозданием на десять минут, но не обратил внимания на время, сразу включился в работу и не думал об этой как ее там до конца дня.

На следующий день Гарри прогулялся до парка и увидел, что эта как ее там сидит на вчерашней скамейке. Госсподи, муж, должно быть, вправду ее достал. Пряча улыбку, Гарри подошел к скамейке. Прошу прощения, мадам, окажите любезность усталому пролетарию и позвольте ему разделить с вами эту скамью. Она раздраженно подняла глаза, а потом вдруг расплылась в улыбке и рассмеялась, тряхнув головой. Что я такого смешного сказал?

Она трясла головой, продолжая смеяться. Вы не похожи на пролетария.

Он насупился, изображая обиду, Вы меня раните в самое сердце. В конце концов — она опять захихикала — лучше быть пролетарием, чем нуворишем. Она продолжала хихикать и махать на него руками, и он улыбнулся, и сам рассмеялся, и сел рядом с ней.

Кстати, меня зовут Том. А как зовут вас, девушка-смешинка? Он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза.

Девушка-смешинка? Ну, вы и скажете! Меня ни в чем таком не обвиняли уже очень давно, но да, наверное, я смеялась.

Еще как смеялись. Как пролетарий. Не успел Гарри договорить, как она вновь рассмеялась и полезла в сумочку за носовым платком, а Гарри смотрел на нее и тоже смеялся. Наконец она выпрямилась, сделала несколько глубоких вдохов, промокнула платком глаза и вытерла нос. Потом несколько раз моргнула и повернулась к Гарри. О Боже, я так смеялась, что у меня все болит.

Наверное, у вас мало практики.

Да, наверное, она еще раз промокнула глаза, убрала платок в сумочку и аккуратно улыбнулась Гарри. Больше не надо меня смешить, хорошо? Боюсь, я не выдержу.

Хорошо, он улыбнулся, но вы не сказали, как вас зовут. Наверное, придется угадывать.

Нет, не надо угадывать — Гарри сидел и посмеивался — меня зовут Мэри.

Ну вот, так-то лучше. А то было бы странно называть вас приятелем, или помпончиком, или...

Она опять захихикала и подняла руки ладонями к Гарри. Вы обещали, что больше не будете.

Ладно, он поднял правую руку, больше не буду. Так, значит, вас зовут Мэри, и вы работаете тут напротив.

Она кивнула, Все верно, я секретарша. А вас зовут Том, и вы работаете...

Тоже здесь недалеко. «Армстронг и Дэвис». Маленькая проектная фирма. В основном консультации по узкоспециализированным вопросам.

Как интересно...

Они продолжали болтать, пока Мэри вдруг не взглянула на часы и не объявила, что уже десять минут, как закончился перерыв, и ей надо бежать на работу.

Ого, так поздно? Мне тоже надо бежать.

Они вышли из парка, и Гарри дождался, пока Мэри не перейдет через дорогу и не скроется в здании, и только потом поспешил к себе в офис. Ему не хотелось, чтобы она увидела, в какую сторону он идет.

Он мчался по улице, понимая, что опаздывает, и действительно опоздал почти на двадцать минут, но никто ничего не сказал, вроде как и не заметил, и Гарри энергично взялся за работу.

На следующий день был четверг, и Гарри решил притормозить до конца недели. Во-первых, ему не хотелось опять опоздать на работу. Во-вторых, хотелось немножко помариновать эту Мэри. Все самое интересное происходило по вечерам, и он получал дополнительное удовольствие от того, что нарочно ее маринует, зная, что она изнывает от неудовлетворенности, и у них с мужем все плохо и вообще, и в постели, и ей отчаянно хочется, чтобы хоть что-нибудь произошло, что угодно, даже если ты просто сидишь на парковой скамейке, в обеденный перерыв, и к тебе проявляют немного внимания. Госспо-

ди, чем больше Гарри об этом думал, тем сильнее заводился.

Надо было как-то убить время до конца перерыва, и Гарри решил прогуляться до парка и убедиться, что она там. По пути к парку он улыбался и сиял изнутри, но потом в душу закралось смутное опасение, и он немного ускорил шаг, вдруг встревожившись, точно ли она там. Он собирался быть предельно осторожным, потому что она не должна его видеть, но когда у него промелькнула мысль, что она, может быть, и не пришла, все его хитрые планы разом забылись, и вместо того, чтобы пройти по Пятой авеню и заглянуть в парк через изгородь, Гарри пошел по тропинке, но толпы гуляющих загораживали скамейку, и когда до нее оставалась буквально пара шагов, толпа вдруг поредела, но эта Мэри смотрела куда-то вдаль за озером, и он сумел вовремя взять себя в руки, развернуться и незаметно уйти.

Отойдя подальше от парка, Гарри на секунду остановился и почувствовал, как колотится его сердце, и пульс отдается в ушах. Он уставился на витрину ближайшего магазина, сделал глубокий, медленный вдох, посмотрел на свое отражение и усмехнулся при мысли, что эта как ее там сидит на скамейке у озера и ждет его. До конца обеденного перерыва еще оставалось какое-то время, и можно было неспешно прогуляться по Пятой авеню, разглядывая витрины и женщин и наслаждаясь своим чувством власти.

Гарри сидел за столом, мама расставляла тарелки и чашки, папа резал ростбиф и раскладывал куски по тарелкам. Сегодня родители Гарри были особенно счастливы и довольны. Они собирались на празднование золотой свадьбы давних знакомых родителей Гарриной мамы, которых она знала всю жизнь. Намечалось грандиозное торжество, где будут родственники и друзья, с большинством из которых они видятся лишь по особенным поводам вроде сегодняшнего. И больше всего родителей Гарри обрадовало, что сын будет с ними. Гарри — хороший мальчик, и всегда был хорошим, их единственный ребенок, свет их очей, центр и средоточие их надежд и мечтаний; теперь уже взрослый мужчина, он все меньше и меньше времени проводил дома, у него своя жизнь, ему есть чем заняться, особенно по выходным, но сегодня их сын, их радость и гордость, отложил все дела и идет с ними. Это будет по-настоящему семейный вечер. Семейное торжество, куда они идут всей семьей.

Закончив есть, Гарри похлопал себя по животу и сказал маме, что все было очень вкусно. Он улыбнулся. Ты лучший повар на свете, мам.

Спасибо, сынок. Я рада, что тебе понравилось, сияя улыбкой, она принялась убирать со стола. Кофе?

Да, с удовольствием.

Они сидели, курили и пили кофе, по радио тихонько, почти неслышно играла музыка, и они наслаждались приятной беседой и обществом друг друга. Три человека за обеденным столом, мужчина и женщина; муж и жена;

отец и мать — и их единственный сын, молодой человек, привносящий радость в их жизнь. Атмосфера была безмятежной, расслабленной, тонкие струйки табачного дыма тянулись к потолку почти вертикально и резко дергались только тогда, когда чей-то смех сотрясал воздух. За этим столом восседала сама любовь.

Когда они прибыли на торжество, миссис Уайт взяла Гарри под руку и ходила с ним от одной группы знакомых к другой, с гордостью представляя им своего сына, и рассказывала всем и каждому, чего он добился, и что его ждет блестящее будущее, и какой у нее замечательный сын, гордость и радость родителей. Гарри с воодушевлением улыбался, когда мамины старые друзья пожимали ему руку и говорили с улыбкой, да, Сара, тебе повезло. Повезло с таким замечательным сыном, но есть в кого, есть в кого. Он так похож на отца. Точная копия. Но глаза у него твои, Сара. Да, так и есть. Сразу видно, что это твой сын. Видно за милю в полной темноте. Сара Уайт вся сияла, и ее улыбку действительно было видно за милю в полной темноте.

Гарри послушно ходил следом за мамой, но и сам был доволен и упивался той радостью, что создавало его присутствие в этом зале. Он делал маму счастливой и поэтому тоже был счастлив; ему нравилось делать маму счастливой, и он временами старался доставить ей радость — по крайней мере, хотел постараться, — но почему-то никак не мог это осуществить, во всяком случае на постоянной основе. По какой-то непонятной причине ему всегда что-то мешало вызвать улыбку на мамином лице, и даже если она улыбалась, он потом обязательно делал что-то такое, от чего ее улыбка становилась печальной.

Но сегодня он сделает все, чтобы этого не произошло. Он себя чувствовал замечательно, легко и свободно, и решил потакать маме во всем. Пусть это будет ее вечер. Он прилежно улыбался, когда надо было улыбаться, и отвечал на обычные в таких случаях вопросы легким поклоном, улыбкой, тихим смешком и: Конечно, я помню. А как же!

Мистер и миссис Лоури — или Литтл, или Харкнесс, или как их там звали. Разницы все равно никакой, все истории очень похожи — как он выглядел и что делал, когда ему было два года, или три, или четыре, или еще сколько-то в том чудесном, прелестном возрасте, в котором они его помнят. И когда Гарри и миссис Уайт покидали очередных собеседников и шли дальше, Гарри знал, что они улыбаются ему вслед и говорят, что он славный парень.

Гарри так хорошо зафиксировал свою улыбку, что даже когда его мама закончила с представлениями, он продолжал улыбаться всем знакомым и незнакомым, собравшимся в зале. Он заметил бабушку, и его улыбка сделалась еще шире. Он подошел к ней, обнял, поцеловал и не сразу разомкнул объятия. Как поживаешь, бабуль?

Поживаю прекрасно. Старую клячу ничто не берет, ее глаза так и сияли.

Ты у меня молодец, он поцеловал ее в лоб.

Как сам, сынок? Все хорошо?

Все замечательно. Лучше некуда.

Рада слышать...

ТАК! МИНУТКУ ВНИМАНИЯ!!!!

Старший сын золотых юбиляров замахал руками над головой, прошу тишины... я хочу сказать тост. Мама, папа, идите сюда. Они подошли, сияющие и нарядные, довольные и взволнованные, как детишки в свое первое рождественское утро, когда они стоят, замерев в восхищении, и смотрят на елку, на шары, мишуру и сверкающие гирлянды, на подарки и на чулки на камине, и ощущают чистейший восторг Рождества. Сын встал у них за спиной и обнял обоих. У всех есть что выпить? Если нет, то берите бокалы. Остальные дети юбиляров обошли зал с подносами «Манхэттена», потом встали рядом с родителями. Мистер и миссис Уайт присоединились к Гарри и бабушке. Так, теперь у всех есть что выпить???? Хорошо. Он поднял свой бокал, и все последовали его примеру. Я хочу выпить за маму и папу, за

пятьдесят замечательных лет их совместной жизни. За то, что вы любили друг друга, любили нас, сделали этот мир чуточку лучше и слегка увеличили численность населения — смех среди слушателей — мы все желаем вам счастья и радости... все ваши пятеро детей... двенадцать внуков... двадцать правнуков... все зятя и невестки. ДА! ЗА ВАС! СЧАСТЬЯ ВАМ! ДАААА! ПЬЕМ ЗА ВАС!!!! Гости с воодушевлением приняли тост, и каждый выпил за юбиляров, кто-то — глоточек, кто-то — до дна, и возгласы не умолкали еще очень долго, пока все члены семейства подходили поцеловать и поздравить сияющую золотую чету, и зал отзывался на каждый поцелуй новым всплеском ответственных криков. Когда завершился этот бесконечный парад, заиграл Юбилейный вальс, и виновники торжества закружились по танцполу, медленно, но радостно, глядя друг другу в глаза, светящиеся нескончаемым счастьем, и все наблюдавшие за этим танцем потянулись друг к другу и взяли за руки, мужа и жены, родители и дети, они стояли, обнявшись, и смотрели со слезами на глазах.

Одной рукой Гарри обнимал бабушку, другой держал маму за руку. Когда песня закончилась, все зааплодировали, и юбиляры склонились в легком поклоне, как стеснительные детишки, и вскоре затерялись в толпе гостей, обступивших их со всех сторон. Знаешь, Гарри, в глазах у бабушки до сих пор стояли слезы, лицо лучилось нежностью от теплых воспоминаний, если бы твой дедушка был еще жив, упокой, Господи, его душу, в октябре мы бы с ним справили наш золотой юбилей.

Гарри улыбнулся, отобрал у нее недопитый бокал и поставил на столик рядом со своим бокалом. Пойдем потанцуем, бабуль. Они присоединились к танцующим парам. Мистер и миссис Уайт наблюдали за ними, сияя от гордости; а затем сами пошли танцевать.

Казалось, что каждый раз, когда Гарри отставлял в сторону пустой бокал, кто-то вручал ему новый, полный, и он себя чувствовал все раскрепощеннее и раскрепощеннее.

И бабушка тоже. Выпитая половина «Манхэттена» мгновенно ударила ей в голову, и она выдала зажигательный танец, на пару с одним старым другом, лихо отплясывая и дрыгая ногами в некоей сбивчивой вариации бруклинского канкана. Зрители, включая Гарри и его родителей, хлопали ей от души, но через пару минут она остановилась с долгим ууууууууфффффф и уселась на стул, наслаждаясь вниманием и смехом.

Гарри бродил среди гостей, медленно попивая коктейль с тем расчетом, чтобы растянуть его на подольше. Ему не хотелось ставить пустой стакан, чтобы ему снова сунули в руки полный. Он уже чувствовал действие алкоголя и хотел поостеречься. Он наклонился затушить сигарету в пепельнице на низеньком столике, а когда выпрямлялся, то чуть не упал в объятия какой-то женщины в сильном подпитии. Когда он в нее врезался, она инстинктивно схватилась за него, чтобы не упасть. Гарри ее поддержал, взяв под локти. Когда они перестали раскачиваться взад-вперед и закончились все ой, извините, прошу прощения... осторожнее... вы не ушиблись?.. Гарри убрал руки, но она так и держала его за плечи. Ну, надо же. Извините еще раз. Надеюсь, я вас не убила.

Все хорошо, он улыбнулся. Никто не пострадал.

Как вас зовут? Склонив голову набок, она смотрела на Гарри, слегка приоткрыв губы.

Гарри. Гарри Уайт, он улыбнулся, глядя на нее в упор.

А я Джина. Джина Логан. Когда-то Джина Мерретти, но это было давно и неправда, она взмахнула рукой. Можете называть меня Джина.

Рад познакомиться, Джина, он кивнул, улыбнувшись.

Гарри, она лукаво взглянула на него, очень даже неплохо.

Спасибо, рассмеялся он.

Может быть, потанцуем, Гарри? Пойдем.

Окей, почему бы и нет? Он пожал плечами, потом положил ладонь ей на спину и повел танцевать.

Реакция Гарри на Джину была рефлекторной, как у собаки Павлова, его наметанный взгляд тотчас же оценил все ее достоинства и недостатки. Ей было, наверное, уже за сорок, не сильно за сорок, но она выглядела моложе, как минимум лет на пять, может быть, даже больше, хотя сейчас она явно перебрала со спиртным, что не могло не сказаться на внешности. В общем и целом дамочка ничего так, вполне привлекательная — ее левая ладонь прижималась к его затылку, влажная, теплая и живая — и он с одобрением разглядывал ее бюст, ту его часть, что виднелась над низким вырезом платья. Он попытался проникнуть взглядом в темноту в ложбинке между ее грудями, но не сумел, и подключил воображение и опыт, чтобы мысленно сконструировать их округлую, тяжелую полноту и красно-вато-коричневые соски посередине. Лет двадцать назад она была горяченькой итальяночкой — его ладонь прижималась к ее голой спине, ее черные волосы легонько касались его щеки — и глаза у нее до сих пор очень даже, и задница тоже — и, Госсподи, ее штучка так и пылает, когда трется о его промежность, перемещаясь от одного бедра к другому. Он ощущал у себя на шее ее обручальное кольцо, холодную металлическую гарантию безопасности — он знал, что где-то между этих сочных роскошных сисек прячется пара коротких черных волосков, которые он с удовольствием выдернул бы зубами — ты хорошо танцуешь, она взглянула на него, прикрыв глаза и приоткрыв губы, мне нравится, как ты двигаешься — он мог бы чуть растегнуть молнию у нее на спине, скользнуть рукой вниз, ей в трусы, к этой заманчивой круглой заднице, просунуть ладонь между ее ягодиц и почувствовать мелкие капельки пота, почувствовать, как ее задница трется о его руку, когда он прижимает ее к себе — с тобой легко и приятно. Ты прекрасный партнер. Мой муж не танцует. Раньше — да, иногда. Теперь нет. Говорит, он и так устает. Наверное, много работает (не так много, как мой собственный член). Но иногда надо и отдыхать, развлекаться, в ее взгля-

де читался все тот же открытый призыв, если ты понимаешь, о чем я. Он с улыбкой кивнул, понимаю. И кто знает, чем он там занимается в Поукипзи? (ПОУКИПЗИ! Я тихо хренею!) Что он там делает? Вопрос был задан с искренним любопытством. У него бизнес. Всегда только бизнес.

Музыка резко умолкла, и Гарри понял, что у него встало. Он ничуть не смутился, но это не та вечеринка, когда можно затащить телку в кладовку или в подвал и по-быстрому трахнуть, к тому же он и не любит по-быстрому, это занятие для прыщавых подростков, однако спиртное ударило в голову, и возбужденный член настоятельно требовал к себе внимания, и в голове промелькнула картина: задний двор, большое тенистое дерево. Он извинился и высвободил руку из ее ладоней. Я на минуточку, сейчас вернусь. Он заперся ванной, умылся холодной водой. Может, стоит засесть в холодную ванну, ха-ха. Он вытер лицо, посмотрел в зеркало, глянул на свою промежность и снова уставился в зеркало. Вроде бы все под контролем. Госсподи, уж я бы ей засадил.

Он вернулся в комнату, пару секунд постоял у двери, ища взглядом Джину. Вот она, в дальнем углу, с кем-то беседует. Она стояла к нему в профиль, и свет как будто мерцал на ее округлой заднице. Он шагнул было к ней — хуй стоит, совесть спит, — но развернулся, подошел к бабушке и сел рядом с ней.

Как настроение, бабуль?

Настроение бодрое, внучек. Я замечательно провожу время. Приятно встретить старых друзей и посмотреть, как веселится молодежь.

Молодежь это ты? Он улыбнулся, краем глаза поглядывая на Джину и размышляя, не попросить ли у нее номер телефона на будущее. Хотя сначала хотелось бы разобраться, кем Джина приходится хозяевам дома, и кто может узнать, если Гарри все-таки заберется к ней в трусы, и чем это чревато. Возможно, его папа с мамой умрут от стыда, и...

Пойдем потанцуем, Мэй, это мой танец. Давний бабушкин друг с поклоном протянул ей руку.

Хорошо, Отто, если ты так настаиваешь. Но сначала меня надо как-то поднять с этого стула. Отто тянул, Гарри толкал, и все дружно смеялись.

Гарри наблюдал за их танцем, не забывая иной раз поглядывать в сторону Джини. Он улыбался и сиял изнутри, глядя на бабушку с Отто, их движения были немного скованы возрастом, но в них сквозило величественное благородство, когда они танцевали друг с другом и со своими воспоминаниями.

Он смотрел на них и улыбался, но взгляд упорно и неотвратимо тянуло к Джине, пока танцующие не превратились в смазанное пятно где-то на периферии зрения, и весь его разум как бы озарился бликами света, что отражались от Джининой задницы и груди, когда она — Госсподи, она не только чья-нибудь дочь, а наверняка еще и чья-нибудь мать. Нет, так не пойдет. Плохие новости, парень. Оставим всю эту хрень на потом. Представь, что будет с родителями. Это их точно убьет. Даже не думай! Забудь!

Гарри принялся напевать про себя слова баллады, лившейся из динамиков, и сосредоточился на танцующих и на людях, стоявших рядом. Когда бабушка, смеясь и отдуваясь, села на место, Гарри поцеловал ее руку и так и не выпустил ее из ладони, держа нежно, но крепко. Ты была великолепна, бабуль. Ты знаешь, как получить радость от жизни. Они рассмеялись. Гарри любил свою бабушку, и его вдруг накрыла волна понимания, что когда-нибудь, может, уже совсем скоро, она умрет. Он снова поцеловал ее руку.

Миссис Уайт предложила поехать домой — Мамы устали, и уже поздновато, да, мам? Да, милая, я и вправду устала. Видать, я уже старовата для таких бодрых гулянок, старой калоше пора в калошницу, бабушка рассмеялась, очень довольная собственной шуткой, — и попросила Гарри сесть за руль. Сначала отвезем бабушку, да?

Все Гаррины мысли были заняты Джиной, за которой он наблюдал краем глаза, чувствуя на кончиках пальцев пот из ложбинки между ее ягодич. Э? Что? Он встрепенулся, замялся, растерянно заморгал, пытаясь сосредоточиться на словах мамы, когда она повторила вопрос. О... Да, конечно. Конечно, мы отвезем бабушку.

Ложась спать в тот вечер, Гарри не стал опускать жалюзи на одном из окон, чтобы видеть с кровати кусочек неба над уголком здания напротив. Он лежал на спине, вспоминая. Перед мысленным взором вполне комфортабельно плыли сцены и образы, и не было необходимости напрягаться, чтобы не думать о Джине. Он ощущал сопричастность к семье и к потоку тепла, что струился внутри, словно ему что-то впрыснули в кровь, он вспоминал, как были счастливы его родные: как родители танцевали, глядя друг другу в глаза, как смеялась и плакала бабушка, наблюдая за вальсом своих старых друзей в годовщину их золотой свадьбы — да, бабуля у него что надо, — но образ, к которому он возвращался чаще всего и ласкал его в памяти, было тем самым мгновением, когда мама поцеловала его перед сном, и счастье не только сияло в ее глазах, но и как будто искрилось на кончиках пальцев. Спасибо, что ты пошел с нами, милый. Без тебя этот вечер был бы не таким радостным. А как была счастлива бабушка — Да, сынок, папа похлопал Гарри по спине и на миг задержал руку у него на плече, было здорово провести вечер вместе. Это был настоящий праздник. Да, настоящий, он улыбнулся родителям, стиснул руку отца, поцеловал маму в щеку, мне очень понравилось...

Гарри получал искреннее удовольствие от этих воспоминаний, зная, что он сегодня доставил радость родителям, и вот уже образы у него в голове начали расплываться, накладываясь друг на друга, и он закрыл жалюзи, вернулся в постель и спокойно уснул.

На следующий день, в воскресенье, Гарри заглянул в «Кейси», пришел сразу вслед за своими друзьями-ир-

ландцами, которые после полуденной мессы сразу рванули в бар, открывавшийся в час. Он посидел с ними недолго, затем пошел в кино с парой приятелей. После сеанса они все вместе отправились в «Фин-Холл», небольшой танцевальный зал по соседству.

Они еще не успели нагреть под собой стулья, а Гарри уже танцевал с какой-то молоденькой дамочкой, пришедшей сюда со своей младшей сестрой, просто чтобы провести время, пока ее муж укатил на рыбалку. После нескольких танцев Гарри вернулся к столу, сообщил друзьям, что увидится с ними завтра, и ушел под руку с Ирмой.

Госсподи Боже, ты видел? Я еще не решил, с кем хочу танцевать, а он уже подцепил телку, приятели лишь качали головами, глядя вслед Гарри с восхищением и изумлением.

В этом смысле он просто невероятный. Если во всей округе будет всего одна дырка, которой можно заправить, Гарри ее учует.

Ага, даже если она сама еще не в курсе. Они рассмеялись, с завистью наблюдая, как Гарри шагает к выходу, придерживая Ирму за поясницу.

По подсчетам Ирмы, времени у них было в избытке. Обычно муж возвращался с рыбалки часов в пять-шесть утра, но никогда раньше двух, а в два он вернулся всего однажды. Гарри, все еще заряженный энергией радости, швырнул одежду на стул, в прямом смысле нырнул в постель с глухим стуком и бодрым визгом — и рванулся к Ирме, стоявшей рядом с кроватью, еще в трусах, и пытавшейся расстегнуть лифчик. Он обхватил ее за талию, поцеловал в поясницу и горячо дунул в ложбинку между ее круглыми ягодицами. Ирма вскрикнула, вздохнула, застонала и шумно втянула в себя воздух — все это одновременно, — пошатнулась, и Гарри рывком повалил ее на постель. Она обняла его, и он стал целовать ее шею и грудь, запустил пальцы под резинку ее трусов и пробрался сквозь мягкие заросли к земле обетованной. Ирма

стонала, судорожно хватаясь за волосы Гарри, за его руки, и плечи, и спину, за подушку и простынь, за все, до чего могла дотянуться, хлюпала и вся извивалась от такого внезапного внимания.

Гарри вдруг вспомнил эту как ее там, кто сидит на скамеечке в парке и ждет его — да, точно, Мэри, — и захихикал, спрятав лицо между Ирминых сисек. Ирма легонько дернула Гарри за волосы. Большое спасибо. Знаешь, мне нужно как следует посмеяться. Он посмотрел на нее и рассмеялся по-настоящему, и у него на лице было столько радости, что Ирма тоже расхохоталась, в жизни не слышала ничего смешнее, она сотрясалась от смеха, катаясь головой по подушке, по-прежнему не выпуская из цепкой руки длинные волосы Гарри, а он запустил руку в ее короткие волосы. Да, наверное, я тоже, он покачал головой, из глаз брызнули слезы, и они с Ирмой еще долго смеялись, вцепившись друг другу в волосы, а затем Гарри перестал трясти головой, сделал глубокий вдох и приник ртом к голой сиське. Это остановило не только его собственный смех, но и Ирмин смех тоже, причем весьма эффективно.

Гарри периодически думал о Мэри, и эти мысли — о ее отношениях с мужем, о явной холодности, существующей между ними, и о том, что она ждет его на скамеечке в парке, и он это знает — почему-то ужасно его возбуждали и помогли сохранить возбуждение надолго. Когда он наконец собрался уходить, ближе к трем часам ночи, Ирма была совершенно без сил. Она лежала на развороченной постели, наблюдала, как одевается Гарри, и бормотала, Боже, ты знаешь, что делать с женщиной. Тебе надо бы пообщаться с моим благоверным, дать ему пару подсказок.

Да я с удовольствием, он рассмеялся, оправляя одежду. Может быть, загляну к вам на неделе. Можем сыграть в «Монополию». Ирма слабо рассмеялась и легонько погладила себя по животу. Гарри помахал ей на прощание, и в ответ она чуть шевельнула рукой.

Выйдя из подъезда, Гарри пару секунд постоял на тротуаре, вдыхая свежий прохладный воздух. После двух дней, проведенных в рыбацкой лодке, запах в спальне покажется мужу вполне естественным. Рассмеявшись в голос, Гарри пошел прочь. Его шаги были бодры и легки. В ночном воздухе веяла свежесть, в небе мерцали редкие звезды. Ночь прекрасна, и мир прекрасен. Может быть, это были лучшие выходные во всей его жизни... в жизни кого бы то ни было. Он пребывал в полной гармонии с собой, сам себе друг, товарищ и Господь Бог.

В понедельник утренняя толкотня в метро помогла Гарри разлепить глаза, потихонечку, по чуть-чуть, пока он практически висел на поручне и сонно разглядывал таблички на стенах, рекламные объявления, лица, затылки, газеты, журналы и свое смутное отражение в оконном стекле. Выкарабкавшись на свежий воздух из душной мешанины потных тел и грохочущих механизмов, он постарался как можно быстрее добраться до кафетерия в том же здании, где был его офис, и взял большой стакан кофе с двойной порцией сахара и слойку с сыром.

На самом деле день прошел вовсе неплохо. Гарри занялся работой, которой было достаточно, чтобы не отвлекаться на посторонние мысли, но не так много, чтобы зарыться по самые уши; сам он был молод, здоров и легко приходил в норму после бурной бессонной ночи. В обеденный перерыв он вспомнил об этой как ее там и даже почти собрался сходить проверить, ждет ли она его в парке, на скамейке у озера, но у него не было настроения куда-то тащиться. Он даже не стал спускаться в буфет, заказал обед на вынос и поел в комнате отдыха, развалившись в кресле и давая отдых глазам, воспаленным и красным, как пожарная машина.

Вторая половина рабочего дня прошла быстро, Гарри приехал домой и провел тихий вечер с родителями, что их очень обрадовало, после ужина он чуть-чуть посмотрел те-

левизор и пошел спать пораньше. Сегодняшний день был не слишком богат на события, но завтра мы оторвемся по полной программе.

О да, хороший день завтра, сегодня, во вторник. Весьма познавательная поездка в метро на работу, за беглым чтением «Дейли ньюс» — спортивные новости и четвертая страница, — а тут еще и «Еврейская ежедневная газета», «Энквайрер», «Ла Пренса», «Таймс», «Ньюсуик», «Нью-Йоркер», «Мэд магазин», Гарольд Роббинс, Альбер Камю (Камю в восемь утра, в переполненном вагоне метро?!), «Леди Клейрол» (леди она или нет, знает только ее гинеколог), ударопрочный кейс (гм, это уже интересно), огромная темно-коричневая родинка, из которой торчат и шевелятся наподобие усиков не меньше пяти жестких черных волосков, а также чихание и кашель в ассортименте. Гарри выбрался из ямы в земле истинным космополитом, уцелевшим в тоннелях тьмы. Он пару секунд постоял на углу, среди гула автомобильных гудков, в толпе спешащих прохожих, дыша ровно и глубоко, и зашагал на работу — сражаться с гигантами индустрии.

Вполне энергичное утро, решение нескольких не особенно заковыристых проблем, затем — звонок на обед, си-речь урчание пустого желудка. Обед. Кстати, а что с этой как ее там?

Привет, как дела? Он улыбнулся с легким поклоном.

Привет, незнакомец, она слегка приподняла брови, какой сюрприз.

Можно присесть?

У нас свободная страна, и это общественная скамейка.

Гарри сел рядом с ней, пристроив на коленях пакет с сэндвичем и мысленно посмеиваясь над ее очевидными проявлениями враждебности и над причинами этой враждебности. Как хорошо наконец-то вернуться домой. Мэри покосилась на него с подозрением. После такой напряженной работы.

Тебя не было в городе? В ее голосе явно звучала надежда.

А почему, как ты думаешь, я пропустил наши обеденные свидания? Сказал он, улыбаясь ей в лицо. Ты же не думала, что я забыл? Она чуть ли не виновато пожала плечами. Мне неожиданно позвонили в тот день, и пришлось срочно лететь в Чикаго.

Правда? Она улыбнулась, смягчившись. И ты только сегодня вернулся?

Вчера поздно вечером. Я позвонил бы тебе на работу, но я не знаю, как называется твоя контора.

Это не важно. Я все равно тут сижу чуть ли не каждый день, она опять улыбнулась, и ее напряженные плечи заметно расслабились.

Хорошо, он нежно погладил ее по коленке, улыбнулся и откусил сэндвич.

Ветерок был приятным и теплым, отражения в озере — безмятежными, птицы вполне дружелюбно летали над головой, мимо промчалась белка, на секунду застыла на месте и сморщила нос. Прелестный денек и прелестное время для милой болтовни, смеха и радости, совершенно очаровательные полтора часа. Гарри выкинул в урну их бумажные пакеты, и они вместе с этой как ее там пошли по дорожке, и рука Гарри легонько касалась ее плеча. Он постоял на углу, пока она не вошла в здание, и помчался по Пятой авеню к себе в офис.

Сорок минут опоздания. Кажется, кое-кто из сослуживцев неодобрительно поднял бровь. Кажется, Гарри привлек к себе чуть больше внимания, чем обычно, когда спешил к своему столу. Не хмурится ли начальство за закрытой дверью? Если да, не беда. Долго хмуриться оно не будет. Никто его не убьет за опоздание на пару минут. Он без проблем выполнит свою работу, и такого больше не повторится. Так что расслабься и не хмурь брови. Все хорошо. У меня все под контролем. И вообще, жизнь прекрасна. Жизнь это миска, полная ягод.

На следующий день обед в парке получился еще прекрасней. На этот раз ему не пришлось преодолевать ее враждебный настрой, они оба были расслаблены и довольны. Гарри собирался вернуться в контору еще до конца перерыва и демонстративно посматривал на часы, и говорил Мэри, что ему обязательно нужно быть в офисе не позже двух, а лучше раньше, потому что он ждет очень важный звонок из Чикаго, насчет той срочной работы, когда мне пришлось лететь к ним.

А что там такого важного и срочного? Ты никогда не рассказывал, чем занимаешься.

Ну, мы сейчас разрабатываем систему для координации действующих национальных и международных коммуникационных систем, чтобы объединить их в единую сеть для распределения телеметрических данных и сопредельных фиксированных реестров...

Ладно, ладно, она рассмеялась и замахала руками, не надо. Он тоже рассмеялся и больше уже не пытался рассказывать о работе, но продолжал поглядывать на часы.

Это был не спектакль, а суровая необходимость. Гарри так нравилась эта игра, что он мог заиграться и совершенно забыть о времени, как это случилось вчера, а ему не хотелось снова опаздывать на работу. Игры с Мэри вновь разожгли тот росток возбуждения в самых глубинах его нутра, тот восторг, что питается предвкушением и ожиданием, но ему не хотелось рисковать работой ради игры, какой бы захватывающей и приятной она ни была.

Гарри Уайт вернулся в контору почти за пять минут до конца обеденного перерыва и самодовольно уселся за стол, мысленно рисуя одобрительные улыбки на вчерашних хмурых лицах.

Игра с этой как ее там, разумеется, предполагала, что ее надо немножко помариновать. И чем дольше она маринуется, тем сильнее его возбуждение, тем плотнее свивается в кольца этот росток, пробивающийся изнутри, и заполняет его всего, и тянется к самым кончикам пальцев.

И, конечно, чем дольше она будет мариноваться, тем сильнее распалится. Ему хотелось, чтобы она нервничала и мямлила в нерешительности — что уже началось, — неуклюже пытаясь придумать, как ему сказать, что она хочет снова увидеться с ним, и не только в обеденный перерыв; пытаясь выведать, где он живет (она спросила сегодня, долго ли ему ехать в метро до работы, и он ответил, что ездит в автобусе, минут двадцать) и что делает в свободное время, куда ходит и с кем...

Гарри с легкостью отбивал все удары-вопросы, хотя и признался, что он не женат, чему она явно обрадовалась, и он знал, что именно так и будет. Каждым своим ответом Гарри только подстегивал ее любопытство, так что их обеды на свежем воздухе у озера или короткие прогулки по берегу были для него настоящей забавой. Приятной игрой, волнующим отдыхом. И было вполне очевидно, что Мэри тоже радуется этим встречам. Возможно, даже сильнее, чем Гарри, но, разумеется, по-другому и по иным причинам.

Одна из причин — и достаточно важная, — по которой Гарри нарочно затягивал эту игру, чего, кстати, ни разу не делал раньше, заключалась в том, что ему нравилось ее общество, по крайней мере, в те короткие отрезки времени, которые они проводили вместе. Не больше нескольких часов в неделю, потому что Гарри установил себе правила: встречаться с ней не больше чем два дня подряд и не чаще трех дней в неделю. Через пару недель игра вышла на новый уровень, поскольку теперь, в дополнении к прочим целям, Гарри хотел посмотреть, как долго он сможет продолжать игру... или, наверное, правильней будет сказать, как долго ему будет хотеться ее продолжать. Ладно, время покажет. Время, счастливое время, покажет, когда Гарри позволит этой как ее там его соблазнить. О да, скажу вам, так приятно наблюдать, как весна мчится навстречу лету в Центральном парке, как листва на кустах

и деревьях с каждым днем становится все гуще, как глаза Мэри все ярче горят нетерпением. О да, Гарри знал, так и есть: весь Нью-Йорк превратился в большой праздник лета.

У озера в Центральном парке тоже был маленький праздник. Мэри все больше и больше рассказывала о муже и о своем недовольстве семейной жизнью, ставшей для нее полным разочарованием. Гарри благоразумно воздерживался от нападок на ее мужа, потому что иначе она бы стала его защищать и вспоминать, что в нем есть хорошего, но он перестал защищать его сам и находить оправдания и/или объяснения его поступкам и равнодушному отношению к жене, которой так не хватает внимания и заботы. Он просто слушал, с заинтересованным лицом, как Мэри ругает мужа, называя его скотиной, хвастливым ничтожеством и сукиным сыном. Он меня вовсе не слушает, никогда... как слушаешь ты — Гарри изобразил на лице понимание и сочувствие, — он просто включает телевизор или вовсе выходит из комнаты, и если я иду следом и пытаюсь добиться, чтобы он меня все-таки выслушал, чтобы он понял, что я тоже живой человек со своими чувствами и потребностями, он называет меня тупой бабой и идет в бар с друзьями. Ох, она раздраженно тряхнула головой, временами мне кажется, что будь у меня пистолет, я бы его пристрелила на месте.

Лучше не надо, Гарри ласково прикоснулся к ее руке, тебя отправят в тюрьму, и я лишусь твоего общества. И я, и весь мир вместе со мной. Мэри улыбнулась ему, но сразу нахмурилась, когда он сказал, что ему жаль ее мужа.

Тебе его жаль?! Это он вечно где-то шатается со своими друзьями, приходит, когда ему вздумается, и уходит, когда ему вздумается, не глядя, сжирает ужин, который я так старалась ему приготовить, потом рыгает мне прямо в лицо и уходит. Да, именно так. Ни «пожалуйста», ни «спасибо», вообще ничего. Он идет веселиться, а я, значит, должна мыть посуду и целый вечер сидеть одна. Все, мне

надоело корячиться у плиты. Пусть жрет готовые блюда из кулинарии.

Ты не поняла, он улыбнулся, погладив ее по руке, я имею в виду, что мне жаль, что он лишает себя удовольствия слушать тебя и наблюдать, как свет пляшет в твоих глазах, когда тебе радостно. Жаль, что он не понимает, как с тобой интересно.

Правда? Со мной интересно?

Конечно, он тихонько рассмеялся, глядя ей прямо в глаза, зачем бы я стал говорить неправду?

Игра продолжалась, Гарри видел, как нарастает ее возбуждение, и его возбуждение тоже росло. Временами Гарри казалось, что его ноздри раздуваются, почуяв запах течной суки, и все это вместе: игра, в которую он играл, сложная борьба Мэри с собой, ее возмущение на пренебрежительное отношение к ней мужа, — явно указывало на то, что игра скоро закончится. По крайней мере, ее текущий этап.

А потом, в радостном месяце мае, хотя уже был не май, а июнь, Гарри наконец поддался на уловки Мэри. Они сидели на скамейке, о чем-то болтали, Гарри как раз доел сэндвич и смял бумажный пакет, и Мэри вдруг протянула руку и принялась стряхивать крошки с его колен, уделяя самое пристальное внимание особо упрямой крошке на верхней, внутренней стороне его бедра. Гарри мысленно возликовал и чуть приподнял ногу навстречу ее ладони, затем накрыл ее руку своей и пристально посмотрел ей в глаза, слегка прищурившись и раздув ноздри. Он почувствовал, как дернулась ее рука, когда он, как бы забывшись, облизнул губы самым кончиком языка.

Дальше так продолжаться не может, Мэри, он медленно высвободил руку, но тут же поднял другую руку и принялся гладить ее по затылку. Она на секунду закрыла глаза, отдаваясь его недвусмысленным ласкам, потом приоткрыла их и посмотрела на Гарри (Госссподи, да ей прямо не терпится в койку).

Что же нам делать?

Гарри просто смотрел ей в глаза, наслаждаясь игрой и надеясь, что ему удастся удержаться от смеха.

Когда? Она гладила его по руке, а Гарри посмеивался про себя, радуясь этой маленькой победе. Он все же заставил ее спросить первой. Он чуть сильнее надавил ей на затылок, и она закатила глаза, вздрогнув от удовольствия.

Завтра вечером, после работы.

Она кивнула, продолжая легонько раскачиваться под его прикосновениями. Я скажу мужу, что пойду в кафе с девочками с работы.

Гарри кивнул, мысленно отплясывая чечетку, с улыбкой вместо зонта, и попытался представить, как она отреагирует, когда завтра он ей сообщит, что планы резко переменились.

Ах, завтра... новый день, новая блядень... ха-ха-ха, почему нет? Я расскажу вам о завтрашнем дне. Что о нем говорят, все неправда. Завтра всегда наступает. Всегда. День кончается, и настает новый, и я тоже кончаю. Ха-ха. А Мэри? Ей что-то обломится? Собственно, почему нет? Она тоже кончит... на чем-то конце... ха-ха-ха. Еще разок, милая? Приходи ко мне, Луиза, будем кушать пудинг с рисом. Угощайся. Ни в чем себе не отказывай. Да, завтра будет новый день... сунул, вынул, убежал. По дорожке, по тропинке, где симпатичные девушки встали в ряд. Нет, малышка не будет капризничать. Ха-ха-ха. Завтра буу-ууу-дет но-ооо-вый день...

Что я ей принесу? Дары радости или боли? Да, радости или боли? Как я отвечу? Взмахом руки? Пожатием плеч? Кивком головы? Или этим чудовищем из чудовищ, встречным вопросом? Ладно, как вам угодно. Вот мой вопрос. Как колотится ее сердце? Как сбивается ее дыхание? Разве вы сами не слышите, как гремит пульс в ее венах? Как трепещет сочный венерин холмик меж мягких бедер? Наверняка и колотится, и гремит, и трепещет, и вся ее

нежная плоть зудит предвкушением. Я расскажу вам, что принесу истомившейся в ожидании девице — радость боли и боль радости...

Да, все верно, чертовски верно. По самое не могу, это голодное, влажное не могу.

На следующий день Гарри вышел пораньше и встретил Мэри на углу. Том, что ты тут делаешь? Я...

Мэри, нам надо поговорить, он схватил ее за руку и потащил за собой по улице.

Ее взгляд был растерянным и удивленным. Что-то случилось? Ты какой-то серьезный... и расстроенный. (О, замечательно, доктор Уайт. Удержи на лице это самое выражение еще пару минут, и мы опять на коне.)

Час назад мне позвонили из Чикаго. Придется срочно лететь туда. Сегодня же вечером.

О нет! Только не сегодня, Том, ее глаза потемнели, погасли.

И даже не знаю, сколько я там пробуду, теперь к его грусти присовокупилось неистовое отчаяние — и голодная страсть. Он заглянул в ее потускневшие глаза. Это был предпоследний этап игры. Уже через пару минут она жадно сорвет с него одежду и сама повалит его на постель.

Мэри удержала его взгляд, потом заметила вывеску на углу здания через дорогу: ОТЕЛЬ СПЛЕНДИД. Том, смотри, он обернулся, глянул на вывеску и вновь впился взглядом в ее сияющие глаза.

О, пойте песенку на шесть пенсов, и карманы набиты зерном, и все в таком духе. Эта цыпочка изголодалась изрядно. Она такая голодная, что Гарри аж испугался и на секунду не только пожалел о том, что затеял эту игру, а чуть было и вовсе не бросился наутек. Времени у них было мало (гораздо меньше, чем ей представлялось), и когда завершился первый раунд, у них не нашлось и минутки, чтобы выкурить сигарету и пошутить, ей так не терпелось скорей угоститься (о, неплохой каламбур), она буквально набросилась на него и взяла в рот, и Гарри пробрал озноб:

он представил, что она людоедка и сейчас съест его целиком, по-настоящему, но после его возмущенного вскрика она извинилась и вспомнила о хороших застольных манерах, и Гарри вздохнул с облегчением и взмахом руки пожелал ей приятного аппетита.

Времени было в обрез, а желания в избытке, но они сделали все, что смогли, с тем, что есть. И если подумать, то сделали они немало. Они уж точно не были разочарованы этим «Полуденным отдыхом фавна» с элементами зажигающей ебли. Но время все-таки поджимало, и мысли о работе уже настойчиво лезли в голову, так что они проявили сознательность, встали с постели (Жаль, что обедать пришлось на бегу [О, отличная шутка]) и пошли в душ вдвоем.

Большая плоская головка душа выдавалась из стены над широченной ванной, что создавало ощущение открытого пространства. Они намылили друг друга, растерли повсюду, и время от времени Гарри запуская мыльные пальцы во всякие интересные места, и вскоре стало понятно, что работа и время могут еще немножечко подождать, Гарри уложил Мэри на спину, взгромоздился на нее сверху и вновь оприходовал прелестную деву под плеск воды, что лилась ему на спину и стекала в ванну, пока все его существо пело радостную песнь плотской любви, а большой палец ноги затыкал слив для воды. Когда песня закончилась (но мелодия все еще звенела в воздухе), он тоже лег на спину, вытянувшись рядом с ней, и они просто лежали под струями падающей воды, смеясь и скользя мокрой кожей по белой эмали.

Но, увы и ах, ход времени неумолим, и очищающий летний дождь был решительно выключен, а разомлевшие тела — быстро вытерты насухо крошечными полотенцами. Когда они закончили вытираться, Гарри отобрал у нее полотенце, медленно погладил ее по плечам, глядя ей прямо в глаза, потом резко притянул к себе и уткнулся лицом ей в шею. Ты потрясающая женщина, Мэри, он поцеловал ее в плечо, в шею, в губы.

О, Том, она закрыла глаза, покачнувшись в экстазе, мой драгоценный, прекрасный Том, я люблю тебя.

Он ничего не ответил, и она не сказала больше ни слова, но еще пару секунд Гарри продолжал ее целовать, затем они оба оделись и поспешили исполнить свои обязательства перед временем и работой.

Прощаясь с Гарри на углу, Мэри смотрела на него мечтательно сияющими глазами. Ты же придешь в парк, когда вернешься из командировки?

Конечно, приду, он ласково улыбнулся и сжал ее руку. До свидания, Мэри.

До встречи, Том.

На обратном пути к себе в офис Гарри знал, что ему больше не нужно ходить проверять, ждет ли она на скамейке у озера. Она будет ждать еще долго. И кто знает, возможно, когда-нибудь он вернется. Да... когда ему в следующий раз захочется пообедать сухим пайком, ха-ха-ха. Впрочем, она очень даже хороша в постели, эта цыпочка. По крайней мере, когда проголодается. Какое, к черту, проголодается?! Она умирает от голода. Но у нее ненасытные аппетиты. Не в смысле потешить свою распаленную гениталию. Любовь, вот что ей нужно. Она хочет любви. Нежной заботы. Понимания и тепла. Наверняка она будет хорошей женой — но не для меня. Очень жаль, мы могли бы неплохо проводить дневные часы (полтора или два), чтобы скрасить обеденный перерыв. Впрочем, возможно, все еще переменится, когда он утолит голод после парочки сытных обедов.

В любом случае, игра закончилась. В процессе все было забавно, очень даже забавно. Хорошо, что дамочка не слишком расчувствовалась. Такая приличная женщина. Можно не сомневаться, что сегодня она в первый раз в жизни наставила рога своему муженьку. Интересно, что он подумает, когда она вечером придет домой со светящейся кожей и сияющими глазами? Впрочем, скорее всего, он вообще ничего не заметит. Может быть, он и вправ-